

Юлия Энгельман

небо без края

Fiction

МОСКВА

УДК 821.112.2-94

ББК 84(4Гем)-44

Э62

Julia Engelmann

HIMMEL OHNE ENDE

Перевод с немецкого Татьяны Набатниковой

Дизайн обложки Катерины Анфилатовой

Энгельман, Ю.

Э62 Небо без края: роман / Юлия Энгельман; [пер. с нем. Т. Набатниковой]. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 320 с. — (Имена. Зарубежная проза).

ISBN 978-5-389-31043-8

«Небо без края» — трогательный, проникновенный роман взросления о девочке-подростке, переставшей ощущать вкус жизни.

Шарли пятнадцать, и у неё всё плохо. Она скучает по отцу, ушедшему из семьи. Злится на маму, потому что у неё появился новый мужчина. Разрывает дружбу с лучшей подругой, когда та начинает встречаться с парнем, в которого Шарли влюблена.

Кажется, что между Шарли и остальным миром возведена стеклянная стена, которую невозможно разрушить.

Но когда в её классе появляется новенький, он превращает эту стеклянную стену в окно автомобиля, которое можно опустить, чтобы Шарли наконец-то снова могла протянуть руку к небу.

УДК 821.112.2-94

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-31043-8

Copyright © 2025 by Diogenes Verlag AG, Zurich

All rights reserved

© Набатникова Т., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

ПРОЛОГ

— Ты знаешь, почему ты здесь, Шарлотта? — спросила госпожа Кнуббен.

— На этом свете? — уточнила я, обкусывая ногти.

Шла большая перемена, и все были во дворе школы. Я не находила ничего плохого в том, что мне придётся обойтись без них и никого из них не видеть. А плохо было то, что мне велели явиться к нашей школьной психологине, о чём я узнала лишь пять минут назад, ну и ладно.

— Нет, — улыбнулась госпожа Кнуббен. — Здесь, у меня.

Я пожала плечами, не поднимая глаз от письменного стола, разделявшего нас. Стопки папок, разбросанные ручки, изюм в розетке, пачка сигарет.

— Как ты думаешь, почему твоя мать, я и госпожа Рейхова сошлись на том, что было бы неплохо нам с тобой вдвоём спокойно побеседовать?

Квартира — это отражение души, — всегда говорила мама, когда заставляла меня прибраться в комнате. В душе госпожи Кнуббен было

подозрительно привольно для школьной психологии. Да к тому же ещё и задымлённо.

— А ведь ты, вообще-то, хорошая ученица, как мне сказала Сюзанна... то есть госпожа Рейхова, но в этом году, кажется, что-то пошло не так и коллеги, ясное дело, обеспокоились, как ты потом справишься с выпускными экзаменами.

Я ничего на это не ответила, но госпожа Кнуббен всё равно что-то записывала, а я пыталась выглядеть как можно нормальнее, только, к сожалению, не знала, как это.

— Расскажи, как у тебя идут дела в последнее время?

Кое-что изменилось: я припомнила, что мой любимый напиток «холодный чай» перестал быть вкусным, а белый свет перестал быть светлым.

— Ничего не случилось в вашем классе?

Я неотрывно таращилась на изюм в розетке и задавалась вопросом, ела ли его вообще когда-нибудь госпожа Кнуббен. На этой неделе я впервые расплакалась на уроке.

— Или, может, ты влюбилась?

Свою влюблённость в Миколая я пыталась держать в тайне от всех, даже от себя самой.

— Есть ли у тебя подруга, с которой у тебя доверительные отношения? С кем ты могла бы поговорить.

Я подумала о том, что между мной и Кэти всё рухнуло. Потому что во мне, судя по всему, было что-то такое, что всех отталкивало.

— Или дома кто-нибудь. Как у тебя с родителями?

Я подумала о том, в каком стрессе мама была в последние недели и что о моём отце мы вообще

никогда не говорили с тех пор, как он ушёл, и я по сей день не знала, куда мне со всем этим деваться — с этой тоской и болью.

— Не знаю, — соврала я. И даже если я действительно многого не знала, то следовало спросить себя, почему я никогда не пыталась выговорить хотя бы то небольшое, что я всё-таки знала.

— Ну, хорошо, — сказала госпожа Кнуббен, — ты и не обязана ничего говорить. Давай сегодня для начала просто познакомимся. Есть у тебя что-то другое, что ты хотела бы обсудить, Шарлотта?

Иногда я себя спрашиваю, кто я и всё такое, — промелькнуло у меня в голове. И я рассердилась на себя за то, что у меня всегда эти дурацкие мысли, которые только всё портят.

— Да, — сказала я.

— Чудесно, я тебя слушаю.

— Шарли.

— Что-что?

— Дело в «Шарлотте». Меня зовут просто Шарли. Госпожа Кнуббен вздохнула.

— Тогда давай на этом остановимся. Ты ведь знаешь, где меня найти, если всё же решишься поговорить. Мы, школьные психологи...

Как раз в этот момент мне что-то взбрело в голову в этом битком набитом кабинете госпожи Кнуббен. Я подумала, как было бы чудесно сейчас запеть от всего сердца. Запеть так, чтобы довести кого-то до слёз. На большой сцене, где тебя все слушают. Это было, наверное, равносильно тому, чтобы быстро добежать до автобуса и не опоздать на него, только не ногами, а голосом. *Один раз в жизни спеть так, —* думала я, — *чтобы это было*

действительно Нечто. Но я понятия не имела, как я — в настоящий момент — могу к этому прийти.

Меня, к сожалению, окончательно добила последняя фраза госпожи Кнуббен:

— И ещё, Шарлотта, твоя замкнутость меня совсем не пугает.

Я даже подумала, что ей самой не помешало бы сходить к психологу, если она говорит такие фразы, и я твёрдо решила, что ноги моей больше не будет в её просторной, чисто прибранной душе.

Мои слёзы были такие же тихие, как я сама.

Тетрадь и мои записи расплывались у меня перед глазами, и всё становилось неразличимым — клеточки, циферки, иксы.

— Шарли, — повторил господин Куле, — не могла бы ты прочесть нам вслух решение примера 4а?

Я смотрела на свои руки с обкусанными ногтями, не смея поднять глаза. Я была как замороженная, только сердце у меня колотилось.

— О боже, да она опять плачет, — сказала София.

Я ненавидела это своё состояние, когда не могла произнести ни слова. Когда другие над этим смеялись. Когда я чувствовала, как краснею, а потом неизменно начинала плакать.

— Да у неё в голове просто полный вакуум, — засмеялся Шмитти. Остальные ему подхихикивали. Может быть, он и прав. Может быть, голова у меня действительно пустая. Я оглянулась на Кэти, ища поддержки, но та лишь закатила глаза.

— Ну хорошо, — сказал господин Куле, — кто-нибудь может ей подсказать?

София зачитала решение задачи вслух, и я в тысячный раз в этом учебном году пожелала быть такой, как она. Красивой, умной, всеми обожаемой. И, когда прозвенел звонок, я в тысячный раз в этом учебном году пожелала очутиться как можно дальше отсюда. Или хотя бы просто в другом месте. И со странным чувством подумала о том, что никто бы этого даже не заметил. Всем было безразлично. Не играло роли, есть я тут или нет. Потому что я никого не любила. И меня никто.

*

— Шмитти требует слишком много внимания к себе, — говорила я Кэти после уроков, когда мы, наконец, шли по школьному двору. — А София вообще думает, что она нечто недостижимое.

Мы сидели за одним столом с пятого класса — Кэти и я. Меня всегда восхищало, что она про каждого находила, что сказать. Но в этот раз Кэти не ответила мне, как обычно, «да-да, точно». Вместо этого она произнесла:

— Тебе не стоит относиться к этому так серьезно.

— Но они же подняли меня на смех, — возразила я. — И я не понимаю почему.

Это началось в последний учебный год. А ведь я при этом не делала ничего особенного. Всё было как и в предыдущие три года.

— Ты слишком зацкливаешься на этом.

Тут мимо нас пробежал кто-то с красным рюкзаком. Миколай. Я попыталась сделать такое безучастное лицо, чтобы по мне ничего не было заметно. Я ни с кем не хотела говорить о Миколае, даже с Кэти.

— Я уже начинаю сомневаться в себе, спрашиваю, кто я есть и всё такое, — сказала я.

Эта фраза выскользнула у меня сама собой.

— Окей, — сказала Кэти. И потом засмеялась. Это был типичный сухой смех Кэти, громкий и хрипловатый. — Иногда ты и впрямь бываешь очень странной.

Я сглотнула. И тоже засмеялась.

— Да, я знаю, — сказала я. — Давай сегодня что-нибудь устроим? Могли бы пойти в Аркаду.

— Нет, у меня сегодня наш самостоятельный театр, а потом мне надо присматривать за Мерли, мама на работе, — сказала она.

Мерли — это была собака Кэти. И по тому, как она это сказала, я уже могла бы кое-что заметить. Но я ничего такого не подумала.

— А ты, собственно, пойдёшь? В Летний театр? — спросила она. София каждый год играла у них главные роли, и каждый год я соглашалась с Кэти, что это просто неприлично.

— Конечно, — сказала я, хотя не имела намерения видеть своих одноклассников чаще, чем необходимо.

Когда мы дошли до стоянки велосипедов, я заметила на земле монету, она блестела на солнце, но я её не подняла.

— Может, сходим в Аркаду на следующей неделе, — сказала Кэти.

— Да, может быть, — согласилась я.

Кэти села на свой велосипед и уехала.

— До завтра, — крикнула она.

— До завтра, — ответила я и подавила ужасное чувство, которое расплзлось у меня в животе.

Чтобы стать лучшими подругами, нам с Кэти потребовалась всего одна пятиминутная перемена. Это было в конце пятого класса. Мы стояли рядом в умывалке туалета для девочек. Я подставила ладони под струю холодной воды и тайком наблюдала, как Кэти подводит себе глаза. Эта чернота выглядела потрясающе. Хотя мы были ровесницы, Кэти казалась старше. Она была во всём передовой, с опережением зажигания, она раньше всех узнавала, какие кроссовки в моде, как писать любовные письма, где купить увеличивающие бюстгалтеры, и эти её знания в равной степени меня восхищали и пугали.

— Что-то не так? — спросила она своим хриловатым голосом.

Я помотала головой, но тут её холодный взгляд потеплел и вызывающе сверкнул:

— Хочешь попробовать? — спросила она, протягивая мне чёрный карандаш.

Пощипывало, когда я красилась, и глаз немного слезился, но я продолжала. Потом посмотрела в свои совершенно новые глаза. Более взрослые, более крутые, к моему удивлению и ужасу. Глаза были как у Кэти.

— Выглядит замечательно, — с гордостью сказала я.

— Замечательно? — Кэти сухо усмехнулась и, выходя за дверь, добавила: — Выглядит *круто!* — И я, стоя перед зеркалом, приколола себе эту фразу как орден на джинсовую куртку и больше никогда его не снимала.

Я опустила стекло пассажирской дверцы и высушила руку навстречу ветру. Я делала это всякий раз, совершенно автоматически. Сама не знаю почему.

— Что было сегодня в школе? — спросила мама.

Я смотрела на её профиль. Каждое лето у неё на лице высыпало невероятное множество веснушек, также на кистях и на предплечьях, а она была красивая, даже когда усталая, с той же естественностью, с какой я была некрасивой, и временами я втайне злилась на неё. Что она не передала мне это по наследству.

Маркус запищал у меня в ногах. Мы ехали к ветеринару, потому что у Маркуса в последнее время пропал аппетит. Маркус — так звали мою морскую свинку.

— В школе всё было хорошо, — сказала я.

Я не хотела, чтобы мама беспокоилась, чтобы она узнала о том ужасном чувстве у меня в животе. У неё и без того было много проблем с её ночными дежурствами в больнице и со всеми

сверхурочными. В недели её дежурств она была нервной и рассеянной и всё равно заботилась обо мне, я это знала. Но, к сожалению, она тоже быстро заставляла меня срываться.

— Расскажи всё-таки, что новенького?

Вот такими вопросами, например.

— Ничего, — коротко сказала я.

Я иногда спрашиваю себя, кто я есть и всё такое.

Зачем я вообще это сказала? Может быть, Кэти и права. Может быть, я действительно была странная. Я прикинула, смогу ли вообще когда-нибудь для чего-нибудь найти нужные слова. Слова, которые означали бы то, что я имела в виду, что я действительно глубоко внутри имела в виду. Но это была попытка. Потому что я стыдилась своих слов. И стыдилась своего молчания.

По радио пела Леди Гага.

— Всегда этот грохот, кто ж это выдержит.

Мама уменьшила громкость радио. И я подумала, как было бы хорошо, если бы можно было просто увернуть громкость у меня в голове, но там было ужасно громко, и всё было переполнено безумными мыслями. Безумные мысли, их становилось больше с каждым днём, и я не могла от них избавиться. Безумные мысли, которые за последний год размножились у меня в голове и ставили передо мной тысячу вопросов, на которые я не находила ответа. Почему я была такой, какая есть, — такой тихой, тупой, такой странной, — и почему я никак не могла научиться быть собой. Или хоть кем-нибудь.

Моей руке стало холодно от встречного ветра, но не по-настоящему холодно, недостаточно холодно.

У меня тоже в последнее время не было аппетита. Как будто всё вкусное перестало быть вкусным. Например, «холодный чай». И я думала, что, может, в городе ходила какая-то инфекция, которой мы оба заразились — Маркус и я.

У ветеринара я не стала заходить в кабинет, осталась сидеть в машине. Я хотела побыть одна. Я увеличила обороты вентилятора. Мне было слишком жарко в моей джинсовой куртке, но я её не снимала. Понятия не имею почему и понятия не имею, почему я всё ещё носила её. Это была куртка моего отца, и я спасла её из мешка с одеждой, которую мама собралась отдать на благотворительность. Эта куртка никогда мне не шла и была слишком велика. Но всё равно, это была его вещь. И по крайней мере Кэти нынешним летом сказала, что у меня «крутой винтажный вид». Я передвигала пассажирское сиденье то вперёд, то назад и смотрела в пустоту.

*

Когда моя тишина впервые стала для меня проблемой, мне было семь лет. Отец стоял в прихожей с дорожной сумкой и непроницаемой миной. С каждой секундой он становился для меня всё более чужим. А накануне вечером я слышала его голос из соседней комнаты.

— Всё это для меня слишком, Хелен, — сказал он.

И теперь, когда я стояла в прихожей напротив него и его дорожной сумки, я не сказала: «Я не понимаю, что произошло».

Я не сказала: «Я боюсь тебя потерять».

Я не сказала: «Пожалуйста, останься».

Вместо этого я смотрела, как он словно в замедленной съёмке брал сумку, поворачивался, открывал дверь и уходил. И я — я забила в свою кровать и включила телевизор.

Он оставил после себя дыру, дыру в форме моего отца, и я — через эту дыру — заглянула в пропасть, тогда как меня переполняла любовь, которой теперь некуда было деваться.

Я была слишком юной, чтобы знать, как происходит то и другое: стоять на краю пропасти и не падать в неё. Удержать любовь и не захлебнуться в ней. Итак, я сделала то же, что мама: я обвинила его и назвала слабаком. Но внутри себя я обвинила мою тишину. Ведь — конечно же — это я была той, кого ему стало «слишком». И потом, потом я делала попытки забыть его.

*

На обратном пути от ветеринара я держала Маркуса на руках. Какое облегчение было знать, что он снова выздоровеет.

— Может, мы просто давали ему неправильный корм. А теперь мы должны следить за тем, чтобы он действительно глотал таблетки, — сказала мама, ещё когда мы выезжали с парковки у ветклиники, но её голос размылся, слился с шумовым фоном, и всё звучало одинаково, каждое слово, каждый слог, каждый звук.

Я смотрела в небо, проплывающее мимо.

Оно было по-летнему голубым, с брюхатыми облаками разной величины. Оно никогда не бывает одинаковым, небо, оно всегда чуточку другое.

Мне это нравилось. Бесконечность, широта, свет. Краски, из которых хотя бы одна не имела даже названия, и облака, из которых хотя бы одно походило на Маркуса. Странно, что позади неба скрывалась Вселенная. Иногда я пыталась представить себе её, Вселенную, но всякий раз, наталкиваясь на край моих мыслей, я сдавалась.

— Ну где ты опять затерялась со своими мыслями, Шарли? — спросила мама.

Я кусала ногти и злилась, что не могу это остановить.

— Нигде, — сказала я и задумалась, как называется чувство, когда ты печалишься из-за всей той красоты, которую пропустил в прошлом, и из-за всей той красоты, которую ещё пропустишь в будущем.

Когда мы припарковали машину перед нашим домом, я снова подняла пассажирское стекло и спросила себя, стану ли я когда-нибудь кем-нибудь хоть для кого-нибудь. Но этот вопрос мелькнул лишь на одну секунду. И тут я заметила, что мама смотрит на меня. Она смотрела на меня так, будто только что получила плохую новость, и этой плохой новостью была я.

— Шарли, я за тебя беспокоюсь, — сказала она.

*

В моей комнате было сумрачно. Я посадила Маркуса на кровать. Он был тёплый, и от него пахло сеном.

— Эй, маленький пират, — прошептала я. Это из-за чёрного пятна, которое обрамляло его правый глаз, словно повязка одноглазого пирата. Потом

я пошла в кухню, завернула таблетку в листик базилика, вернулась и поднесла ему лекарство.

— Ты должен это съесть, хорошо?

Маркус был, если честно, моим единственным другом, наравне с Кэти. Вообще-то морские свинки не выживают в одиночестве, но Маркус как-то выживал, и это с самого начала нас сроднило. Потому что мы оба знали, каково это — быть одному, он и я.

Мы познакомились в приюте для животных. Я стояла там рядом с мамой под ярким растровым светильником, прямо на уровне глаз — клетка М.3.2. И в клетке М.3.2. сидела дрожащая морская свинка с чёрной «заплаткой» на правом глазу. *Внимание, можно содержать лишь в одиночку*, — гласило предупреждение на табличке, но я уже и без таблички это почему-то знала. Что мы подходим друг другу. Я выложила на стол десять евро монетами разной величины, мама заполнила бумаги по «усыновлению», и я, запасшись брошюрами типа «Нарушения в поведении морских свинок» и «Углы и норки: создайте грызуну идеальное жизненное пространство», блаженно направилась на парковку с моим новым домашним питомцем в руках.

Когда Кэти его впервые увидела, она протяжно ахнула:

— Ой-й-й, крыска!

И тут бы нам с Маркусом сразу заметить, что это не идеальное для нас жизненное пространство.

— Тебе бы тоже хотелось быть где-нибудь в другом месте? — тихо спросила я его теперь, у себя в комнате. — Где-нибудь подальше в большом, просторном мире?

И я посадила его назад в его клетку.

Вечером я чистила зубы и разглядывала себя в зеркале.

Волосы у меня нерешительной длины — полудлинные. Если бы отпустить их расти подлиннее, то я могла бы, пожалуй, блондировать несколько прядей, как это делает София. Мама часто получает комплименты за свои веснушки, но у меня они смешиваются с прыщами. Мне ещё никогда не удавалось совместить то, как я выгляжу и как себя ощущаю изнутри. Я целыми днями не вылезала из джинсовой куртки отца, но теперь, в майке, я отчётливее разглядела своё тело. Как, кстати, узнать, красивая ты или нет? *Может, я и была бы красивой, будь я потоньше*, — подумала я и потом попыталась, насколько возможно, не смотреть себе в глаза и вообще смотреть мимо себя и для этого сфокусировалась на плитке с цветочным узором у меня за спиной.

Не только всё вкусное перестало быть вкусным. Дело дошло до того, что всё светлое перестало быть светлым. Например, освещение. Я включала все источники света в комнате. Лампу на потолке, клик, лампу в изголовье кровати, клик, лампу на своём письменном столе, клик. Но всё равно что-то оставалось тёмным, хотя я и не знала, что именно.

Потом я смотрела сериал «*Любовь на перепутье*». Это была мыльная опера, серии шли каждый вечер, а в выходные часами прогонялись повторения предыдущих. В этой «*Любви на перепутье*» никому не надо было ходить в школу. Речь шла только о любовных похождениях Анны и Макса, об интригах Джованни, злодея. Иногда мы с мамой смотрели

какую-нибудь серию вместе, в гостиной или на маминой кровати.

— Да они же все придурки, — часто говорила мама. Я соглашалась с ней и хотя бы на несколько минут чувствовала себя чуточку нормальнее.

В эту ночь я лежала без сна и смотрела в потолок.

Если достаточно долго смотреть в потолок, то, может быть, откроется окно во Вселенную, и я смогу потихоньку, тайком выскользнуть через него. Тогда бы я сбежала без оглядки на самый край моих мыслей.

И потом ещё на один шаг дальше.

Бр-р-р-р-р-р. Утром, по дороге к автобусу я пускаю руку скользить по зелёному металлическому забору, пока по моим пальцам не побегут мурашки, а потом они вообще немеют и становятся бесчувственными. Я делаю это каждый день — по дороге в школу и обратно. Туда и назад. Туда и назад. Мне не верится, что в промежутке пропадают целые школьные дни, недели, месяцы, потому что всякий раз, когда я проезжаю пальцами по металлическим рёбрам, мне чудится, будто я только что здесь проходила в другую сторону.

В автобусе я всегда садилась сзади и ждала. Через две остановки заходил он.

Миколай.

Он садился на пару рядов впереди.

В автобусе мы были чужими, хотя учились в одном классе. Я таращилась на его затылок. Его каштановые волосы были небесами моих школьных дней, потому что они никогда не бывали одинаковыми, всегда немножко другими, немножко иначе растрёпанными, и мне это нравилось. Миколай был красив по-своему, и я была уверена, что это видят все;

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Энгельман Юлия

НЕБО БЕЗ КРАЯ

Ответственный редактор М. Смылова
Литературный редактор Т. Агеева
Художественный редактор К. Анфилатова
Технический редактор Л. Синицына
Корректоры П. Шевнина, А. Мартинус Рохас
Компьютерная вёрстка С. Иванова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 03.06.2026.

Формат 84 × 108 $\frac{1}{32}$. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 2000 экз. Т-ИЗР-40262-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68,	Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,
БЦ «Регул», 2-й этаж	Регул бизнес орталығы, 2-қабат
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

